

Н. Ф. БЕЛЬЧИКОВ

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ ОБ АВТОРЕ АНОНИМНОГО ПАСКВИЛЯ НА ПУШКИНА

1

Печальной памяти история дуэли и смерти Пушкина привлекает к себе внимание и в наше время.

В январе 1956 года на страницах журнала «Новый мир» были опубликованы И. Л. Андрониковым и Н. Боташевым свежие материалы о Пушкине — «Тагильская находка».

Дополнительные сведения о трагедии последних лет жизни Пушкина, вводимые в орбиту изучения, всегда ценны, поскольку приоткрывают новые стороны, новые грани известного события, в водоворот которого были втянуты многие современники великого поэта. Считая, что всякого рода материал об этом событии может послужить в какой-то мере выяснению истины, ее полноты, мы решились опубликовать некоторые забытые и неизвестные в печати материалы, связанные с тем же событием.

Автор их П. А. Вяземский, долголетний друг Пушкина, близко наблюдал трагедию поэта и в этих материалах запечатлел свое понимание некоторых фактов.

2

Утром 4/16 ноября 1836 года Пушкин получил по почте анонимный пасквиль. Одновременно тот же пасквиль был адресован ряду знакомых Пушкина; иным — непосредственно, а некоторым в двойном конверте, как бы для передачи Пушкину. Один из таковых был прислан и жене П. А. Вяземского — Вере Федоровне.

Пасквиль, содержащий гнусные намеки, затрагивающие семейную честь Пушкина, язвительный намек на Николая I,¹ с ко-

¹ Намек на связь Н. Н. Пушкиной с Николаем I усмотрел и показал Б. В. Казанский в своей статье «Гибель Пушкина» («Звезда», 1928, № 1).

торым, как видно из недавно ставшего известным донесения Геккерена своему правительству, была не в ладу партия Геккерена из-за поддержки якобы Николаем враждебной ей партии Жуковского и других, в глазах современников Пушкина, его самого и его друзей представлял загадку: кто автор этой анонимки. Установление лица, писавшего пасквиль, в глазах современников и Пушкина являлось дополнительной уликой против врагов. Пушкин знал своих врагов, но их было много в высшем обществе. Вначале он решил, что это сделала женщина и даже не одна.²

Спустя некоторое время, 19 ноября 1836 года, у Пушкина выросло новое подозрение, что пасквиль составлен Геккереном (старшим). В письме от 21 ноября 1836 года, адресованном, по предположению исследователей, к Бенкендорфу, Пушкин прямо высказывает это мнение: «Я удостоверился, что безымянное письмо было от г. Геккерена, о чем считаю долгом уведомить правительство и общество. Будучи единым судьей и блюстителем моей и жениной чести, а потому не требуя ни мщения, ни правосудия, я не могу и не хочу кому бы то ни было предъявлять доказательство того, что утверждаю».

В том же письме к Бенкендорфу Пушкин указывает, на чем основаны его наблюдения: «По бумаге, по слогу письма, — писал Пушкин, — и по манере изложения я удостоверился в ту же минуту, что оно от иностранца, человека высшего общества, дипломата».

К сожалению, никаких письменных следов этого анализа, проделанного Пушкиным, не сохранилось. Возможно, что Пушкин и не записал ничего, а держал все в памяти.

Тем ценнее, что подобный опыт внимательной графической экспертизы проделал близкий друг Пушкина — П. А. Вяземский. Взгляд Вяземского на то, кто был виновником пасквиля, как увидим, не расходился с предположением Пушкина. Вяземский также подозревал в написании письма иностранца.

Вяземский знал и мнение Пушкина на этот счет. В письме к великому князю Михаилу Павловичу по этому поводу он писал: «Как только были получены эти анонимные письма, он

Освещению этого факта, как усугубившего драму Пушкина, в свое время посвятил П. Е. Щеголев дополнительную главу под названием «Анонимный пасквиль и враги Пушкина» в своей книге «Дуэль и смерть Пушкина», (ГИЗ, изд. 3-е, 1928, стр. 442, 451, 455—456, 465—474 и др.).

² Вопрос о возможном участии ряда лиц в составлении и распространении пасквиля см. подробнее в работе П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина» (изд. 3-е, 1928, стр. 435—514; первое издание этой работы было в 1916 году).

«Пушкин» заподозрил в их сочинении барона Геккерена и умер в этой уверенности. Мы так никогда и не узнали, на чем было основано это предположение, и до самой смерти Пушкина считали его недопустимым. Только неожиданный случай дал ему впоследствии некоторую долю вероятности. Но так как на этот счет не существует никаких юридических доказательств, ни даже положительных оснований, то это предположение надо отдать на суд божий, а не людской».

3

В Остафьевском архиве имеется особая папка в синей обложке (№ XXIV) с рядом документов, освещающих события последних дней жизни Пушкина. Часть из них касается П. А. Вяземского, как близкого друга Пушкина.

Здесь есть запрос комиссии военного суда, учрежденной для разбора дела и суда над Дантесом, есть и приказ об образовании этой комиссии, и вопросные пункты комиссии с ответами П. А. Вяземского (черновым и в копии). В папку включены были и экземпляр анонимного пасквиля, полученный Верой Федоровной Вяземской, а также письма д'Аршиака и Данзаса, секундантов и свидетелей дуэли, написанные по просьбе П. А. Вяземского, и, наконец, под № 4 особый документ — запись наблюдений П. А. Вяземского над почерком, каким написан пасквиль. Здесь же Вяземский высказывает и свое мнение о том, кого он считает автором анонимного пасквиля.

Наблюдения велись над экземпляром, как указывает Вяземский, который был прислан его жене. Самый документ в материалах Остафьевского архива не обнаружен. Он там хранился долгое время, о чем свидетельствует отметка, что «диплом» (пасквиль, — Н. Б.) с другими материалами «отдан Сменцовскому 15.XI. 1910 года», по-видимому, для опубликования в одном из сборников «Старина и новизна», издаваемых на средства С. Д. Шереметева. Но «диплом» не был опубликован в этом издании и не был возвращен на место.³

³ По мнению В. В. Данилова, высказанному мне лично, этот экземпляр в настоящее время хранится в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (ф. 244, оп. 18, № 1). По сообщению П. Е. Щеголева (Дуэль и смерть Пушкина, стр. 436), этот экземпляр, прежде чем поступить в Пушкинский Дом, «оказался в музее при Александровском лицее, куда был доставлен после 1910 года». Этот экземпляр без конверта. П. Е. Щеголев выразил сожаление по поводу того, что ему «не удалось установить, от кого поступил этот экземпляр в Лицейский музей». Нет сведений об этом и в Остафьевском архиве, который находится в ЦГАЛИ в Москве. Поэтому в настоящее время еще нельзя считать этот

Вяземский собственноручно снял копию с пасквиля и снабдил ее сверху особым заголовком, а внизу под текстом сформулировал свои наблюдения над почерком, над бумагой. В целом весь документ составляет 2 страницы. Список озаглавлен так:

«Копия с безыменного письма, разосланного ко многим лицам и между прочим к жене моей».

Дальше текст этого «безыменного письма»:

Les Grands-Croix, Commandeurs et Chevaliers du Sérénissime Ordre des Cocus rénnis en grand Chapitre sous la présidence du vénérable grand-Maitre de l'Ordre S. E. D. L. Narychkine, ont nommé à l'unanimité Mr. Alexandre Pouchkine coadjuteur du grand Maitre de l'Ordre de Cocus et historiographe de l'Ordre.

Le secrétaire pépétuel: C-te I. Borch.

Текст в копии Вяземского сходен с известными печатными текстами, опубликованными по сохранившимся экземплярам пасквиля (один из Лицейского пушкинского музея, другой — адресованный графу М. Ю. Виельгорскому; последний был обнаружен в архиве III отделения). Оба экземпляра в настоящее время хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.

Даем перевод пасквиля из книги П. Е. Щеголева:

Кавалеры первой степени, командоры и кавалеры светлейшего ордена рогоносцев, собравшись в Великом Капитуле под председательством достопочтенного великого магистра ордена, его превосходительства Д. Л. Нарышкина, единогласно избрали г-на Александра Пушкина коадьютором великого магистра ордена рогоносцев и историографом ордена.

Непременный секретарь граф И. Борх.⁴

Кратко поясним имена, названные в пасквиле, и связанные с ними намеки, обидные для поэта.

Д. Л. Нарышкин (30 мая 1758—31 марта 1838) — гофмаршал, муж красавицы Марии Антоновны, урожденной Четвертинской, возлюбленной Александра I, имевшей от царя дочь. Имя непременного секретаря ордена — графа И. Борха — также должно было вызвать аналогичную ассоциацию, ибо его жена была легкомысленной, склонной к кокетству женщиной; по свидетельству известной А. О. Смирновой-Россет, в обществе ходили слухи об интимных отношениях жены Борха и Николая I.⁵

вопрос окончательно ясным и думать, что экземпляр Вяземского и есть второй экземпляр в Пушкинском Доме, помимо экземпляра М. Ю. Виельгорского (ф. 244, оп. 2, № 103).

⁴ П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина, стр. 437 (воспроизведение пасквиля — между стр. 520 и 521); ср.: А. С. Поляков. О смерти Пушкина. Пгр., 1922, стр. 14 (здесь небольшие отличия в переводе).

⁵ См. подробнее в книге П. Е. Щеголева «Из жизни и творчества Пушкина» (ГИХЛ, 1931, стр. 140—141).

на обратной стороне следующего:

Александр

Сергеевичу

Григорьеву

В первом слове буква у поправле-
на, середина из букв и русской
или воровства из французской и.
Ошибка в правописании Александры
даже не кажется, как будто это
грамматическая, и не может быть
слова русский, а должна быть
слова иностранцев. — Фигура
должна быть иностранцев, Мельни-
ков.

Рис. 2. Факсимиле с автографа П. А. Вяземского (продолжение).
(ЦГАЛИ, Москва).

Les Grands-Croix, Commandeurs et
Chevaliers du Sérénissime Ordre des
Cocus réunis en grand Chapitre sous la
présidence du vénérable grand-Maître
de l'Ordre, S. E. D. L. Narychkine, ont
nommé à l'unanimité Mr. Alexandre
Ponchkine coadjuteur du grand Maître
de l'Ordre des Cocus et historiographe de
l'Ordre.

Le secrétaire perpétuel: Cte J. Morch

Рис. 3. Анонимное письмо А. С. Пушкину.
(ИРЛИ, ф. 244, оп. 18, № 1).

Les Grands-Croix, Commandeurs et
Chevaliers du sérénissime ordre des
Cocus, réunis en grand chapitre sous la
présidence du vénérable grand maître
de l'Ordre, S. E. D. L. Narychkine, ont nommé
à l'unanimité Mr. Alexandre Pouchkine
coadjuteur du grand - Maître de l'Ordre
des Cocus et historiographe de l'Ordre.!!

Le secrétaire perpétuel: Cte J. Borch

Рис. 4. Анонимное письмо А. С. Пушкину.
(ИРЛИ, ф. 244, оп. 2, № 103).

Советские исследователи выдвинули эту гипотезу и тонко проанализировали материал, подтверждающий эту догадку. Б. В. Казанский в 1926 году, независимо от него П. Е. Рейнбот, которого поддержал П. Е. Щеголев,⁶ затем М. А. Цявловский обстоятельно осветили эту сторону пасквиля.

По справедливой догадке П. Е. Щеголева, здесь была и такая угроза для чести и достоинства Пушкина: «Пусть Наталья Николаевна была только мнимой фавориткой, но Пушкин и чувствовал и боялся, что всеильный самодержец в один прекрасный день пожелает склонить и склонит стыдливую красоту на монаршее ложе».⁷

4

Наблюдения Вяземского написаны после текста «диплома». Вот эта запись:

Писано в роде готических печатных букв, или старинных, например, *m m — n n — l l — t t* — Литера *D* в имени Нарышкина поправлена, или вписана после. Надпись на обертной стороне следующая:

Александрю
Сергенчу
Пушкину.

В первом слове буква *y* поправлена, переделана из буквы *u* русской или, вероятно, из французской *u*. Ошибка в правописании *Александри* даже не лакейская какая-нибудь безграмотность, и не может быть сделана русским, а должно быть сделана иностранцем. Бумага должно быть иностранная, глянцевоатая.

Экспертиза Вяземского над почерком привела его к выводу, совпадающему с мнением Пушкина, высказанным в письме к Бенкендорфу: что автор — иностранец. Может быть, Пушкин вполне положился в этом случае на Вяземского и сам не предельвал специального анализа почерка. Однако нельзя упускать из вида, что Пушкин этот вопрос решал на более широких основаниях. Он привлек не только почерк, но и слог, манеру изложения. Этих сторон Вяземский совсем не коснулся. А Пушкин этим двум моментам придавал значение наравне с почерком.

Вяземский в своем анализе не проводит различия между тем, кто писал текст пасквиля, и тем, кто писал адрес на обложке.

⁶ П. Е. Щеголев в своих работах «Дуэль и смерть Пушкина» (изд. 3-е, 1928) и «Из жизни и творчества Пушкина» (1931; см. главу «Пушкин и Николай I», стр. 69—149) на основании огромного количества материалов освещает вопрос об иносказательном смысле анонимного пасквиля и содержащихся в нем намеках, о врагах Пушкина, принимавших участие в написании и распространении этого пасквиля.

⁷ П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина, стр. 140.

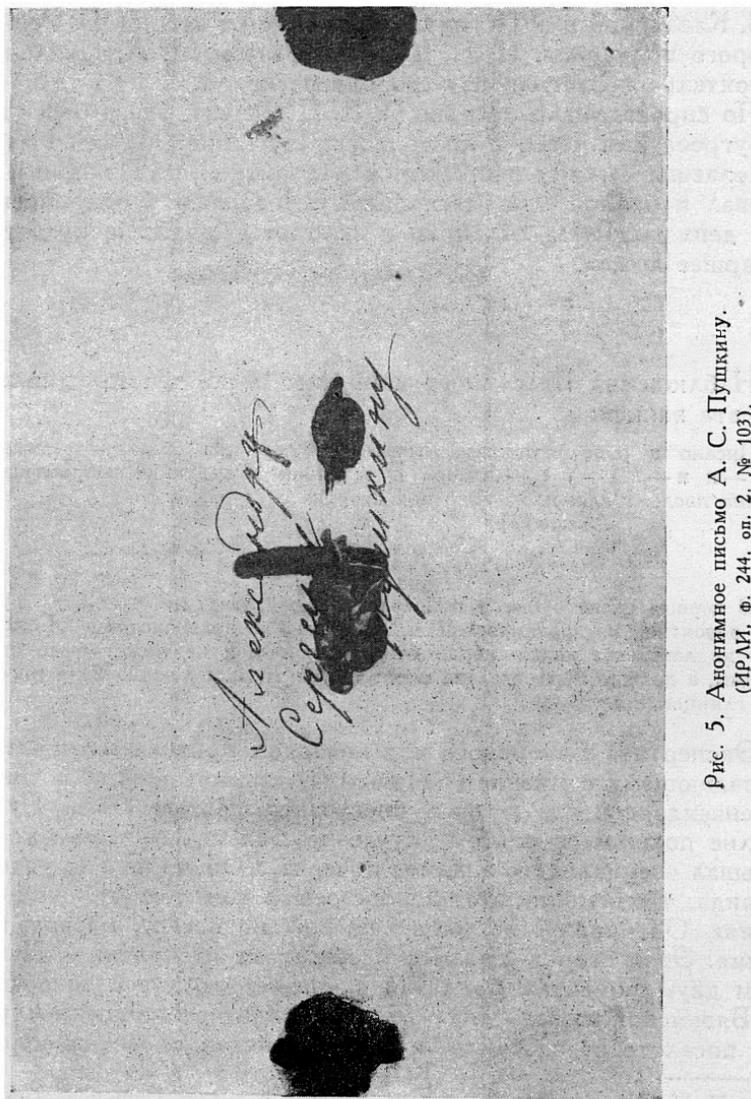

Рис. 5. Анонимное письмо А. С. Пушкину.
(ИРЛИ, ф. 244, оп. 2, № 103).

Александрову
Сергееву
Чуковский

Рис. 6. Анонимное письмо А. С. Пушкину.
(ИРЛИ, ф. 244, оп. 18; № 1).

Вяземский не обратил внимания и на другие подробности внешнего оформления пасквиля.

Так, например, «Сергейчу» в экземпляре, бывшем в руках Вяземского, как и в другом экземпляре, хранящемся в Пушкинском Доме, написано через е, тогда как по старому правописанию тогдашний грамотный человек написал бы ъ.

По мнению В. В. Данилова, поделившегося этим соображением с нами, написания «Сергейчу» и «Александри» возможны для «лакейского» малограмотного пера, ибо в простом народе имя «Александр» произносится и звучит как «Александра», отсюда дательный падеж — «Александре», а на письме при неграмотности — «Александри».

Таким образом, и «Александри» и «Сергейчу» ведут, действительно, скорее в лакейскую, чем в кабинет человека, привыкшего писать письма на иностранном языке.

Адреса надо было написать по-русски, и естественно, что поручили это кому-то из дворни, человеку, не знавшему Пушкина.

А затем грамотный «барин» поправил лакейское «Александри» на «Александрю», причем поправка была сделана другими чернилами.

Из этого можно сделать предположение, что тут была целая организация. Подражая готическому шрифту, одни руки написали текст пасквиля, адреса же поручили написать малограмотному «лакею», а ошибку его исправили.

Вяземский не отметил, что печать имеет монограмму букв А и Г. Возможно предположить, что это печать с инициалами кого-либо из Гагариных. Известен Александр Григорьевич Гагарин, но он родился в 1827 году.⁸

Современник события И. С. Гагарин, как известно, жил в это время вместе с Долгоруковым, часто встречался с членами кружка Геккеренов.⁹ От него эта печать могла попасть в руки фабриковавшего пасквиля.

Наблюдение Вяземского относительно бумаги как доказательства авторства иностранца, совпадает с отзывом М. Л. Яковлева, директора Государственной типографии, который лично Пушкину сказал, что бумага пасквиля идет из какого-либо посольства.

Догадка Вяземского о том, что пасквиль — детище иностранца, стала очень стойким убеждением. Известно, что Вязем-

⁸ За эту справку выражаю признательность К. П. Богаевской.

⁹ Эти подробности сообщил И. С. Гагарин С. А. Соболевскому в беседе с ним. См.: П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина, стр. 483.

ский и позднее, в связи с вышедшей за границу в 1869 году книгой «Нынешнее состояние России и заграничные русские деятели», в которой Долгоруков был назван автором пасквиля, отклонил это утверждение: «Это еще не доказательство, хотя Долгоруков и был в состоянии сделать эту гнусность».¹⁰

5

Подозрение на «иностранца» было в значительной мере подсказано Пушкину борьбой с Геккеренами. Прodelанный Б. В. Томашевским анализ почерка не подтвердил мнение Пушкина и Вяземского. Б. В. Томашевский, подвергнув наблюдению способы написания четырех характерных знаков (и, к, н, т), установил, что «графические навыки, обнаруживающиеся в начертании „диплома“, не могут принадлежать иностранцу. Все они обнаруживают русского автора».¹¹

Вяземский в своем графическом анализе подмечает ляпсусы, бросающиеся в глаза случайные описки и на этом строит свой вывод. Но для анализа имеет решающее значение, конечно, система письма.

Таким образом, методом установления неизменных характерных признаков в почерке Долгорукова на основании ряда сохранившихся подлинных документов, принадлежащих перу Долгорукова, советский судебный эксперт А. А. Сальков в 1927 году установил, что «пасквильные письма об Александре Сергеевиче Пушкине в ноябре 1836 года написаны несомненно собственноручно князем Петром Владимировичем Долгоруковым».¹²

Пушкин и Вяземский крепко держались мнения, что пасквиль — дело рук иностранца, конкретно говоря — Геккерена.

Несомненно, в их глазах сущность данного вопроса не исчерпывалась одной графикой. Не менее важен для Пушкина был самый замысел, в коварности которого крылась глубокая ненависть к поэту. Графический анализ Вяземского связан прочными нитями с борьбой вокруг «диплома», которую вели Пушкин и его друзья против враждебной клики. Непримируемая ненависть

¹⁰ Там же, стр. 484 и 504.

¹¹ Б. В. Томашевский. Мог ли иностранец написать анонимный пасквиль на Пушкина? В книге: Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. «Атеней», 1924, стр. 131—133.

¹² Цитируется по книге П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина» (стр. 488 и 525). Здесь же опубликован весь материал по экспертизе А. А. Салькова, где подробно освещен процесс прodelанного анализа, приемы и итоги наблюдений над почерком Долгорукова (см. стр. 516—525).

врагов Пушкина вылилась в замысел и распространение гнусного пасквиля.

Сейчас, после работ П. Е. Щеголева и Б. В. Казанского, смысл этой борьбы стал ясен.

П. Е. Щеголев показал, как сложно в этом узле сплетались политические, классово-групповые и узко личные интересы. Здесь были несомненно замешаны даже представители дипломатического корпуса в России того времени.

Во главе врагов Пушкина стояла жена министра иностранных дел Нессельроде, урожденная Гурьева, обиженная издавна эпиграммами Пушкина на ее отца. Она объединяла группу русской аристократии, ненавидевшей Пушкина, как человека, оппозиционно настроенного к существующему строю.

Специфический кружок эротоманов, создавшийся около Геккеренов, ненавидел Пушкина еще и по соображениям семейно-личным. К этому времени Дантес, вопреки своему желанию и желанию Геккерена, женился на Ек. Н. Гончаровой. Этого простить Пушкину Геккерен не мог.

Теперь установлено, что в этом кружке Геккеренов, поддерживаемых сочувствием реакционных кругов великосветского общества, могла зародиться идея пасквиля. Там она была реализована руками известного П. В. Долгорукова, в то время двадцатилетнего повесы. Он стал фактическим исполнителем дела. Экспертиза почерка «диплома», проделанная судебным экспертом А. А. Сальковым, совпала с разысканиями П. Е. Щеголева и Б. Л. Модзалевского, приводившими их к имени Долгорукова в первую очередь, и подтвердила наблюдения Б. В. Томашевского над почерком и вывод последнего, что писал «диплом» русский, владевший, разумеется, иностранными языками.

Но Пушкин и его друзья отстаивали мнение об иностранце Геккерене как авторе диплома. И это не случайно. Пушкин истолковал «диплом» по-своему правильно. У Геккеренов, говорит П. Е. Щеголев, «естественно возникла мысль отвести внимание Пушкина от случая с Дантесом и направить его в другую сторону. Отсюда „диплом“ по царственной линии с намеком на царя и Наталию Николаевну. В таком деле мог принять участие Геккерен. Ему не нужно было самому писать этот диплом, достаточно было внушить, вдохновить кого-либо из окружавшей его молодежи (возможно, именно П. Долгорукова и других)».

Пушкин получил «диплом», понял, куда направлена стрела, сразу разгадал игру Геккерена, сразу признал его составителем «диплома». Сообразно этому и действовал Пушкин. Дантеса он

вызвал на дуэль, а самому Геккерену он готовил месть и скандал, который должен был сокрушить карьеру нидерландского посланника.

Выполнение своего плана Пушкин начал с письма к Бенкендорфу 21 ноября 1836 года (из которого выше мы привели отрывок), где поэт высказал свои подозрения на Геккерена и рассказал о своих семейных обстоятельствах. А затем, как установил П. Е. Щеголев,¹³ 23 ноября он был вместе с Бенкендорфом у царя и беседовал с Николаем в Зимнем Дворце. Точных сведений об этой беседе трех лиц нет, и тут возможны одни догадки, что Пушкин поставил в известность Николая о «дипломе», о коварно-оскорбительных намеках в нем и назвал автором пасквиля Геккерена. Николай, по-видимому, склонился к убеждению, что «диплом» написан при участии Геккерена. Ведь недаром же он назвал Геккерена «канальей», и назвал так потому, что понимал, куда метит пасквиль.

Результаты свидания и объяснения с Николаем для Пушкина были в известном смысле благоприятными: он не только рассчитался с Геккереном, но хотел обуздать и самого царя в его попопзновениях на свою семейную честь.

Отсюда понятным становится подтекст убеждения Пушкина, что Геккерен — автор «диплома»: Это же убеждение об авторе-иностранце разделял и П. А. Вяземский, хотя и не называл прямо имени этого иностранца.

¹³ П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина, стр. 141—146.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ИЗ ИСТОРИИ
РУССКИХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ
ОТНОШЕНИЙ
XVIII-XIX ВЕКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД

1 9 5 9